

Трепет охватил его сердце, внезапный, но едва уловимый.

Сюй Танчэнь изо всех сил вцепился в руль и принял решение прямо там и тогда. Все разговоры о том, какие слова уместны, о необходимости привести свои мысли в порядок, он выбросил.

— Мы будем там, — сказал Сюй Танчэнь.

— Мы? — Лу Мин сделал паузу, а затем сразу же задал вопрос о предмете этой реплики. — С кем ты?

— И Чжэ.

Он не хотел больше быть втянутым в это дело, поэтому, назвав имя, продолжил:

— Мы не пойдем в бильярдный зал. Сообщи мне, какой ресторан. Мы как раз возвращаемся из аэропорта и присоединимся к вам, чтобы поесть.

Он принял решение самостоятельно, не спрашивая мнения И Чжэ, и почувствовал, как И Чжэ повернул голову, чтобы посмотреть на него. Он сделал вид, будто не заметил этого, намеренно проигнорировав парня.

После того, как он повесил трубку, И Чжэ, наконец, сказал:

— Я не думаю, что пойду.

Но Сюй Танчэнь возразил:

— Почему бы и нет? Я предполагаю, что они, вероятно, захотят выпить, а после еды могут пойти в KTV. От некоторых напитков нельзя отказываться на праздновании дня рождения. Боюсь, я опьянею.

Это было правдой. И Чжэ хорошо знал, что Сюй Танчэнь не переносит алкоголь, а также его состояние, когда он пьян. У него были эгоистичные причины, которые он хотел скрыть. Думая об этом, он упустил из виду тот факт, что это было празднование дня рождения Юй Аня, и почувствовал, что тоже должен пойти.

— Мм, тогда я пойду.

Убедить его было так легко. Удивительно, но такое глубокое понимание его личности обрадовало Сюй Танчэня.

На перекрестке с пятью ответвлениями красный свет горел очень долго. Девяносто секунд — достаточное время для того, чтобы эмоции человека изменились. Нити сладости постепенно обрывались, пока ничего не осталось, сразу после этого появились сожаление и чувство вины.

Человек рядом с ним мог быть убежден всего лишь одной его фразой: «Боюсь, я напьюсь». Он мог заметить даже ту крошечную капельку неловкости, которая у него была, и стереть её. Он был внимателен к его чувствам во всех отношениях. Между тем, в течение долгого времени он приводил этого человека в такое тяжелое эмоциональное состояние, всего несколько минут назад он размышлял о том, правильно это или нет, наступать или отступить.

Сюй Танчэнь боялся, что, если он скажет ему, что испытывает к нему чувства, тот ему не поверит. Он боялся, что тот уже не думает об этом...

Его привычный образ мышления был таков, что при решении какого-либо вопроса он всегда рассматривал ситуацию в целом. Никогда не отбрасывал все внешние факторы и спрашивал только себя: «Так ли ты себя чувствуешь? Это то, чего ты хочешь? Нравится ли он тебе?»

Красный свет сменился, но он все еще не двигался. Машина позади дважды посигналила, чтобы поторопить его, и И Чжэ окликнул его, чтобы сказать:

— Зелёный свет.

Машина двинулась вперед, как будто ехала на заходящее солнце. Его глаза смотрели, как занавес опускается на дневной свет.

Он думал о будущем, беспокоился о своей семье. Все вопросы, которые он когда-то обдумывал, которых когда-то боялся, до сегодняшнего дня оставались туманными и не имели ответов. Сложный вопрос, стоявший перед ним, ничем не отличался от того, который был больше месяца назад, с той лишь разницей, что теперь он кое-что понял: если даже одно его прикосновение способно тронуть сердце, не нужно говорить о сдержанности, правильности или неправильности.

Есть вещи, от которых невозможно удержаться только потому, что ты знаешь, что это случайность. Всякая любовь рождается в ясном уме, но ясная голова не означает, что ты не можешь обезуметь и стать одержимым.

Даже если дорога впереди была хаосом, только пройдя по ней вместе с ним, она станет миром смертных.

Как бы они ни спешили, они все равно не успели вовремя. Люди за столом стали больше громко возбуждаться, настаивая, чтобы опоздавшие наказали себя, выпив три штрафные чашки спиртного. Сюй Танчэнь имел некоторый опыт в таких делах и со смехом сказал:

— Это не считается, когда вы говорите, это считается, только если именинник говорит.

Он посмотрел на Юй Аня через стол и спросил:

— Брат Ань, мне нужно выпить?

Сюй Танчэнь спросил только потому, что знал, что Юй Ань знает о его толерантности к алкоголю. В прошлом, когда их лаборатория ходила вместе поесть, Юй Ань даже помогал ему объяснять младшим, которые хотели выпить с ним, вплоть до того, что помогал ему отбиваться от выпивки. Он думал, что Юй Ань не заставит его пить, но именинник неожиданно положил обе руки на стол и улыбнулся ему.

— Ты приготовил для меня подарок на день рождения? Если да, то тебе не нужно пить.

Сюй Танчэнь только сейчас узнал, что у него день рождения. Как он мог подготовить подарок?

— Нет, верно? — Юй Ань естественно догадался. — В таком случае...

— Я буду пить.

Юй Ань только затянул свои слова, когда И Чжэ прервал его. Не говоря больше ничего, он выпил три чашки алкоголя, которые стояли на столе, приготовленном для них. Он не стал дожидаться, пока остальные начнут укорять Сюй Танчэня, и сказал:

— Это я виноват, что мы опоздали. Я тоже выпью за него.

Когда он выпил первую из этих трёх чашек, сидящие поняли, что происходит, и зашумели, говоря, что так не пойдет. Сюй Танчэнь поспешил остановить руку И Чжэ, которая все тянулась к чашке, и забрал у него вторую чашку.

И Чжэ повернул голову и посмотрел на него. Он думал, что Сюй Танчэнь объяснит, что он был за рулем, но тот поднёс чашку ко рту. Он начал пить, остальные подбадривали его, но И Чжэ поспешил остановить его.

— Эй, — позвал И Чжэ Лу Мин. — Мой брат Чэнь пьет, почему ты его останавливаешь?

— Он за рулем, он не может пить.

— Всё в порядке, — ответил Лу Мин. — Позже мы пойдём в соседнюю комнату петь. Если вы не можете идти сразу после пения, есть комнаты наверху. Старший уже сказал, что не пожалеет денег на наше веселье.

Сюй Танчэнь всё это время игнорировал слова Лу Мина. Другой рукой он потянул И Чжэ за запястье и отстранил его, затем выпил две чашки, не выпуская их из рук. Чашки были большими. Когда Сюй Танчэнь сел, он уже начал пьянеть, и только когда Юй Ань позвал его есть, он понял, что всё ещё держится за запястье И Чжэ.

Под его рукой что-то было, что-то твёрдое. Сюй Танчэнь посмотрел вниз, его движения были довольно вялыми. Он задрал рукав И Чжэ и увидел часы, которые тот подарил ему в прошлом.

Пока он смотрел на часы, рука, которую он держал, пыталась спрятаться обратно. Он с силой потянул за неё, затем поднял голову и посмотрел на человека, сидевшего рядом с ним посреди шумного банкета.

Сюй Танчэнь почувствовал, что он пьян. Лицо человека перед ним плыло, но как бы оно ни расплывалось, глаза не отрывались от него.

«Мона Лиза?» Он рассмеялся. Если так, то это была его собственная Мона Лиза.

И Чжэ не знал, над чем смеется Сюй Танчэнь, но когда он засмеялся, то не смог удержаться от того, чтобы не скрючить пальцы и случайно не схватить пальцы, которые тот положил на его ладонь. Не успел он ослабить хватку, отстраниться, как его уже потянуло наклониться вперед.

Сюй Танчэнь наклонился, упёрся ногами в перекладину, соединяющую ножки кресла, и потянул руку И Чжэ к своему колену. Он также наклонился вперёд, приблизился к голове И Чжэ, чтобы прошептать ему.

— Нам, вероятно, нужно будет ещё выпить попозже, и, возможно, нужно будет выпить, когда мы пойдем в KTV. Если я напьюсь, не забудь забрать меня. Мы не будем возвращаться в общежитие, снимем комнату здесь.

И Чжэ кивнул. Он поджал губы, колебался, а затем спросил:

— Можно, мы не будем останавливаться в отеле, за который он платит?

— Конечно, — ответил Сюй Танчэнь. — Мы остановимся там, где ты захочешь.

— Хорошо.

В редких случаях Сюй Танчэню приходил в голову практический вопрос в такое время. Он взял И Чжэ за руку и слегка пожал её.

— Ты принес деньги?

Если бы не это пожатие, И Чжэ почти забыл бы, что Сюй Танчэнь до сих пор держит его руку на публике. Вернее, он и сам забыл его отпустить.

К счастью, скатерть все закрывала, а люди за столом были заняты тем, что шутили и дразнили друг друга, поэтому никто их не заметил.

— Да.

И Чжэ опустил глаза и посмотрел на то место, где они держали друг друга, а затем медленно отпустил руку, державшую его руку.

Сюй Танчэнь заметил это и схватил руку И Чжэ обеими руками, не позволяя ему отодвинуться. Он положил оба больших пальца на ладонь И Чжэ, затем медленно провёл ими наружу по линиям ладони, поглаживая до самого края ладони. Парень замер, его глаза следили за движениями пальцев Сюй Танчэня.

Ощущение было немного похоже на весенний отдых на природе, когда ивовые листья прижимались к его сухой коже.

Сюй Танчэнь повторял эти движения, и они сидели, не двигаясь. Через некоторое время И Чжэ, наконец, услышал, как он заговорил, сказав, что что-то выглядит хорошо. Он не расслышал, говорил ли Сюй Танчэнь о его руке или о часах, поэтому склонил голову ближе и спросил:

— Прости?

Но человек, который всё это время смеялся, не ответил, а неожиданно приблизился к нему ещё ближе и сказал:

— Найди мне чистый отель.

И Чжэ почувствовал, что Сюй Танчэнь сегодня немного не такой, как обычно. Он заметил, что не может понять, о чем тот думает, и не может понять смех в этих глазах. Он догадался, что, возможно, алкоголь создал барьер, который мешал ему читать Сюй Танчэня.

Но он также чувствовал, что причина не в этом. В последний раз, когда Сюй Танчэнь был пьян, его было так легко понять.

Не дожидаясь, пока И Чжэ все обдумает, Сюй Танчэнь уже отпустил его руку и отвернулся. Он подцепил палочками тушеный баклажан и положил его на тарелку И Чжэ.

<http://bllate.org/book/13101/1158714>